

НАУЧНЫЙ РЕАЛИЗМ В ИСТОРИИ АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ

А. А. САНЖЕНАКОВ
Институт философии и права СО РАН
sanzhenakov@gmail.com

ALEXANDER SANZHENAKOV
Institute of Philosophy and Law SB RAS, Novosibirsk, Russia
SCIENTIFIC REALISM IN THE HISTORY OF ANCIENT PHILOSOPHY

ABSTRACT. The article is devoted to the consideration of the possibility of applying the methodological principles of scientific realism in the history of ancient philosophy. The author shows that in its strong version, scientific realism is not an appropriate basis for historical research, since it involves minimizing the number of interpretations of philosophical material of the past. Another serious drawback of applying strong versions of scientific realism in the history of philosophy is their focus on the correspondent theory of truth. This theory does not fit the historian of philosophy, since she aims not only at creating a realistic picture of the past, but also at incorporating the philosophical ideas of the past into the modern context, therefore a coherent theory of truth is more likely to meet her objectives. After a brief review of the weak versions of realism (H. Putnam's "internal realism", S. Blackburn's "quasi-realism" and "sensitivity theory"), the author concludes that these kinds of realism are more suitable for the history of philosophy in general and for the history of ancient philosophy in particular. As a result, the author concludes that the historian of philosophy must take into account the objectivity and independence of the philosophical ideas of the past, and inevitably be guided by his own conceptual and terminological facilities in order to incorporate the ideas of the past into the modern philosophical context.

KEYWORDS: scientific realism, history of philosophy, philosophy of history, quasi-realism, internal realism, truth, subject of history.

История философии имеет весьма неоднозначный предмет исследования. Историк философии приходится работать с авторскими концепциями, а не с отвлеченными идеями, поскольку он всегда имеет дело с материалом, появившимся в определенное время и в определенных условиях. Ввиду этого свобода оперирования этими идеями достаточно ограниченная. Вместе с тем, если исследователь философского наследия лимитирует свою работу тесными рамками таких вопросов, как: «Что действительно думал Аристотель?», «Как на самом деле считал Платон?» (и предположим, что он сможет ответить на них верно), – то это уже не будет историко-философское исследование, поскольку тот зазор между прошлым и настоящим исчезнет. Как следствие, историки философии помещают (или же обнаруживают) предмет исследования где-то посередине между собственными рассуждениями и мыслями философа прошлого, между настоящим временем и прошлым.¹ В этой связи возникает вопрос об онтологическом статусе предмета истории философии. Каким образом существует предмет историко-философского исследования? И от ответа на этот вопрос во многом зависит характер и направление этого исследования.

В этой статье мы намерены ответить на поставленный вопрос с точки зрения реализма – многообразного философского и научного направления, согласно которому теоретические объекты, постулируемые наукой, признаются реально существующими (Макеева 2008, 3). Противники реализма считают, что теоретические объекты представляют собой лишь «сокращенные схемы описания сложных отношений между наблюдаемыми объектами» (Там же). Применительно к истории философии позиция научного реализма будет предполагать, что содержание исследуемого философского учения имеет объективную природу (то есть не зависит от интерпретирующего взгляда ис-

¹ Строго говоря, никакого срединного места между прошлым и настоящим, конечно, нет, но мы пользуемся здесь метафорой, чтобы показать, что историко-философское исследование состоит в рекурсивном движении между настоящим и прошлым. Эта специфика очень удачно передана в словах Х.-Г. Гадамера: «мыслить исторически – значит проделать те изменения, которые претерпевают понятия прошедших эпох, когда мы сами начинаем мыслить в этих понятиях. Историческое мышление всегда и с самого начала включает в себя опосредование этих понятий с нашим собственным мышлением» (Гадамер 1988, 462–463). Следует отметить, что, «проделывая изменения» в понятиях прошлых эпох, историк, согласно Х.-Г. Гадамеру, все же оставляет право за прошлым быть самостоятельной единицей, ибо «мыслить исторически» также «значит теперь признавать за каждой эпохой ее собственное право на существование, даже ее собственное совершенство» (Там же, 228).

торика философии), и в связи с этим подразумевает однозначное понимание и не допускает разнообразия интерпретаций. В такой строгой форме, безусловно, научный реализм выглядит не слишком привлекательно. Если мы согласимся с этой предпосылкой, то будем вынуждены отказать в правомерности множеству подходов и интерпретаций, которые существовали ранее и будут предложены в будущем. Однако в той или иной степени научный реализм все же присутствует в истории философии.

С некоторой долей условности сторонником строгого научного реализма можно назвать Аристотеля, специфика историко-философского подхода которого обсуждалась исследователями уже не раз (Cherniss 1935, Collobert 2002, Афонасин 2017, Варламова 2019). Г. Чернисс обвинял Аристотеля в навязывании собственной терминологии и категориального аппарата своим предшественникам, что приводило к искаженному изложению их теорий и идей. Как полагает Дж. Бёрнит, Аристотель рассматривает собственную философию в качестве завершающего этапа всей предыдущей истории философии, а поэтому философия прошлого превращается лишь в череду неудачных попыток ответить на вопросы, которые поставил и решил сам Аристотель (Burnet 1959, 31). У. Гатри, напротив, считает, что Аристотель подходил с большим уважением к своим предшественникам и имел «более историческое сознание, чем многие оригинальные мыслители» (Guthrie 1957, 35–41).

Со своей стороны, мы хотели бы отметить, что любой историк работает в условиях эпистемологического превосходства, и это так или иначе сказывается на его изложении прошлого. Например, он может сказать, что попытки А.Ф. Керенского сохранить Временное правительство были провальными по тем-то и тем-то причинам, а Октябрьская революция неизбежна потому-то и потому-то. Но говорит он так и находит эти причины с такой уверенностью, потому что знает, что в итоге Временное правительство потерпело неудачу, а Октябрьская революция состоялась. В связи с этим условная осведомленность Аристотеля (когда он, к примеру, пишет, что досократики не знали о таких причинах и началах, как форма и суть бытия), безусловно, может расцениваться в качестве неизбежного атрибута исторического подхода, а он сам может считаться историком философии, но, как мы уже выше предложили, специфика его подхода может быть обозначена как научно-реалистическая.

Главным изъяном этого подхода является однозначность его трактовки прошлого, представление о линейном развитии истории и вера в прогресс и аккумуляцию знания. Любой из этих постулатов может быть оспорен: линейности мы можем противопоставить сеть, древо, ризому (Brown 2005;

Sarkar 1999). В таком случае школьная линия преемственности, которую мы можем найти, например, у Диогена Лаэртского или у Ария Дидима (Περὶ ἀίρέσεων), будет уже выглядеть не как само собой разумеющаяся. Идея прогресса и накопления знания для философии также выглядит чуждой, и, скорее, подходит для естественных наук. Можем ли мы с уверенностью сказать, что Плотин был выше в своем философском развитии, нежели Платон? Очень сомнительно. Наконец, что касается однозначности трактовки прошлого, которая также является неотъемлемой частью научного реализма, то и этот тезис вызывает интуитивное неприятие. М. Канто-Спербер и Л. Бриссон следующим образом обосновывают необходимость интерпретационного многообразия в истории античной философии: «чтение должно подпитываться знанием их (античных текстов. – А. С.) теоретического, а также исторического, идеологического, политического, социального и экономического контекста. Тексты, изучаемые в рамках античной философии, никогда не могут рассматриваться с какой-то одной точки зрения. Вместе с тем многообразие интерпретаций, обусловленное различием точек зрения, не бесконечно, так как тексты эти соотносятся с совокупностью референтов, или объектов (исторических, культурных и философских), позволяющих делать разумный и научно обоснованный выбор между всеми этими интерпретациями» (Канто-Спербер, Бриссон 2008, 865). Самое примечательное в этих словах то, что многообразие интерпретаций текста не переходит в спекуляцию и герменевтический анархизм, поскольку существуют осязаемые рамки, за которые мы не можем выйти. В этой связи встает вопрос, а можем ли мы сочетать научный реализм и многообразие интерпретаций? Как мы увидим далее, есть надежда на положительный ответ.

Начать следует с того, что научный реализм – явление довольно разнообразное, включающее в себя как сильные, так и слабые версии. К первым относятся такие группы теорий, которые утверждают существование познаваемых предметов в метафизическом (или онтологическом), семантическом и эпистемическом аспектах. Первый аспект предполагает существование мира, независимого от нашего сознания, второй – буквальную интерпретацию научных утверждений относительно этого мира, а третий – знание о мире, основанное на теоретических утверждениях (Chakravartty 2017). Поскольку выполнить все три эти требования научного реализма довольно сложно, были разработаны его слабые версии, к которым, в частности, относится «внутренний реализм» Х. Патнэма. «Мир является объективным в том смысле, что признается его независимое от наблюдателя существование, однако он не является объективным в смысле независимого существования определенных *объектов*. Объекты – совместное порождение

мира и нашего ума, то есть тех концептуальных схем, “внутри” которых мы их определяем. Именно поэтому реализм Патнэма называется внутренним. Вне конкретной концептуальной схемы невозможно однозначно установить даже количество объектов, не говоря уже об их свойствах» (Моисеева 2019, 233). Таким образом, Х. Патнэм пытается балансировать между онтологической независимостью мира и обусловленностью его познания. И в этом желании он не одинок. Так, Д. О’Коннор полагает, что «...факты не являются не зависящими от мышления и не могут быть таковыми, ибо они... несут концептуальную нагрузку. Мы можем признать фактуальными только те аспекты нашего опыта, которые мы узнаем и интерпретируем посредством наших понятий» (O’Connor 1975, 67; цит. по: Макеева 2008, 7).

Исторической науке в целом и истории философии в частности строгие версии научного реализма вряд ли подходят. Дело в том, что предмет истории «эмпирически непознаваем» (Смирнов, Малов 2012, 329). Историк не располагает фактами «как они были», но лишь свидетельствами о них, особенно это касается истории античной философии, где зачастую приходится опираться на доксографический материал. «Поэтому историк имеет дело не с самой реальностью, а с ее образом, смыслом» (Там же). Другое проблемное место – это понимание истины. Представители научного реализма обычно оперируют корреспондентной теорией истины, согласно которой суждение истинно, если оно соответствует реальному положению дел (Макеева 2008, 5). В то же время для истории философии скорее подошла бы когерентная теория истины, поскольку суждения историка философии призваны не только и не столько отразить фактическое положение дел (как мы уже выше писали: что «на самом деле» думал тот или иной философ), сколько включить философию прошлого через ее изучение в современный философский контекст и создать совместно с последним некий когерентный теоретический каркас. Поэтому некоторые исследователи приходят к выводу, что «объектом исторического знания признается социальный опыт членов сообщества о своем прошлом в его связи с настоящим. Целью интерпретации прошлого является построение интерсубъективной картины прошлого и его связи с настоящим» (Смирнов 2010, 21).

Другой попыткой смягчения постулатов научного реализма является *квазиреализм* С. Блэкберна, который этот исследователь разработал для фиксации и познания моральных фактов и суждений. Квазиреализм, «представляющий собою парадоксальную попытку сочетать явно выраженный проективистский субъективизм с одновременным признанием правоты тех, кто считает моральные суждения описанием объективного положения дел» (Максимов 2019, 34), явным образом повторяет схему Х. Патнэма – онтоло-

гический объективизм здесь сочетается с эпистемическим («проективистским») субъективизмом. В этом же направлении работает «теория чувственности» (sensibility theory), использующая эпистемологическую модель первичных и вторичных качеств. «Если классический реализм в этике фактически причисляет добро, зло и пр. к “первичным качествам” – таким, которые объективно существуют именно в том виде, в каком они предстают (или могут предстать) в нашем сознании (это, например, протяженность, плотность, фигура и т.п.), так что субъективные “чувства” не участвуют в формировании их познавательных образов, – то “теория чувственности” ставит моральные ценности в ряд “вторичных качеств” (вместе с цветом, вкусом, запахом и пр.), полагая, что в них присутствует субъективно-чувственный элемент» (Там же, 33).

Вернемся к истории античной философии и зададимся вопросом, каким образом ослабленные версии реализма могут быть применены здесь? Нам представляется, что ответ может быть следующим. С одной стороны, историк античной философии, исследуя наследие прошлого, принимает тот факт, что в текстах и свидетельствах зафиксированы идеи, объективно принадлежащие определенным авторам, которые предприняли попытку изложить их в доступной рациональной форме. С другой стороны, историк философии руководствуется собственным концептуальным и зачастую терминологическим аппаратом, который имеется у него в наличии благодаря тому факту, что он является представителем иного, современного этапа развития философии. За счет первого элемента история философии получает объективистский, то есть реалистический уровень, а за счет второго – субъективистский. И именно благодаря последнему идеи прошлого могут быть инкорпорированы в современный философский контекст.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Афонасин, Е.В. (2017) “Следы’ прошлого. Аристотель – историк философии,” *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 11.2, 579–586.
- Варламова, М.Н. (2019) “Аристотель – историк философии? История как метод наведения на первые начала,” *История философии*, 24.1, 5–17.
- Гадамер, Г.Г. (1988) *Истина и метод. Основы философской герменевтики*. Пер. Б.Н. Бессонова. Москва: Прогресс.
- Канто-Спербер, М., Бриссон Л. (2008) “Что следует знать, прежде чем приступать к изучению античной мысли.” Пер. Л.П. Горбуновой. *Греческая философия*. Т. 2. Москва: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 863–917.
- Макеева, Л.Б. (2008) “Научный реализм и проблема истины,” *История философии* 13, 3–25.

- Максимов, Л.В. (2019) “Квазиобъективность моральных ценностей,” *Этическая мысль* 6, 27–50.
- Смирнов, Ю.В. (2010) *Реализм как метод реконструкции социально-исторического бытия*, автореф. дис. ...к-та филос. наук. Нижний Новгород.
- Смирнов, Ю.В., Малов, С.В. (2012) “Реализм в философии и методологии истории: проблема реконструкции объекта,” *Труды Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева*, 97.4, 328–335.

REFERENCES

- Brown, C. (2005) *Postmodernism for Historians*. London: Pearson Longman.
- Burnet, J. (1959) *Early Greek Philosophy*. New York: The Meridian Library.
- Chakravartty, A. (2017) “Scientific Realism,” *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2017/entries/scientific-realism/>, retrieved on 22 May 2020.
- Cherniss, H. (1935) *Aristotle's Criticism of Presocratic Philosophy*. Baltimore: The Johns Hopkins Press.
- Collobert, C. (2002) “Aristotle's Review of the Presocratics: Is Aristotle finally a Historian of Philosophy?” *Journal of the History of Philosophy*, 40.3, 281–295.
- O'Connor, D. (1975) *The Correspondence Theory of Truth*. London: Hutchinson University Library.
- Sarkar, S. (1999) “Post-modernism and the Writing of History,” *Studies in History*, 15.2, 293–322.
- In Russian:*
- Afonasin, E.V. (2017) “Sledy proshlogo. Aristotel' – istorik filosofii,” *ΣΧΟΛΗ (Schole)* 11.2, 579–586.
- Gadamer, G.G. (1988) *Istina i metod. Osnovy filosofskoi germenевtiki*. Per. B.N. Bessonova. Moskva: Progress.
- Kanto-Sperber, M., Brisson L. (2008) “Chto sleduet znat', prezhdе chem pristupat' k izucheniyu antichnoi mysli.” Per. L.P. Gorbunovoi. *Grecheskaya filosofiya*. T. 2. Moskva: Greko-latinskii kabinet Yu.A. Shichalina, 863–917.
- Makeeva, L.B. (2008) “Nauchnyi realizm i problema istiny,” *Istoriya filosofii* 13, 3–25.
- Maksimov, L.V. (2019) “Kvaziob'ektivnost' moral'nykh tsennostei,” *Eticheskaya mysl'* 6, 27–50.
- Smirnov, Yu.V. (2010) *Realizm kak metod rekonstruktsii sotsial'no-istoricheskogo bytiya*, avtoref. dis. ...k-ta filos. nauk. Nizhnii Novgorod.
- Smirnov, Yu.V., Malov, S.V. (2012) “Realizm v filosofii i metodologii istorii: problema rekonstruktsii ob"ekta,” *Trudy Nizhegorodskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta im. R.E. Alekseeva*, 97.4, 328–335.
- Varlamova, M.N. (2019) “Aristotel' – istorik filosofii? Istoriya kak metod navedeniya na pervye nachala,” *Istoriya filosofii* 24.1, 5–17.